

18+

КОЛЛЕГИЯ

ПОЭТОВ И ПРОЗАИКОВ

ДВА ШАГА ДО ТРИУМФА

ПРИЗНАНИЕ

НОВЫЕ ИМЕНА, 2020

Эльвира Шабаета
Два шага до триумфа.
Признание

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50435507
ISBN 9785449819215*

Аннотация

Коллегия поэтов и прозаиков представляет вторую книгу из серии «Два шага до триумфа», в которую вошли работы авторов из России и ближнего зарубежья по итогам проектов.

Содержание

Светлана Кунакулова	5
«Будьте...»	6
«Как много тех...»	8
«Тише, тише...»	10
«Берегите, люди, душу, берегите...»	12
«Сегодня снег поссорился с дождём ...»	13
Марат Валеев	14
Талант	15
Александр Белкин	19
Что за зайчик забегал?	20
Сегодня буду я врачом	22
Лучше бабушку послушать	23
Татьяна Чернышева	26
Первый снег	27
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Два шага до триумфа. Признание

Редактор Эльвира Шабеева

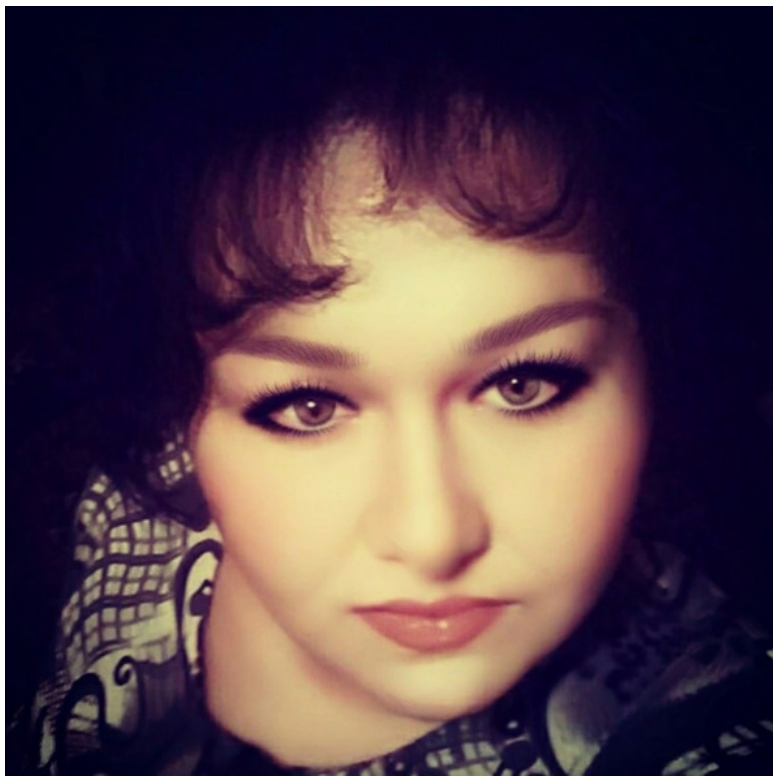
ISBN 978-5-4498-1921-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Светлана Кунакулова

<https://vk.com/skunakulova>

<https://vk.com/club134341325>

«Будьте...»

Будьте...

Всегда будьте лучшими.

Лучшими быть —

Значит главными.

В споре

с умами заблудшими

Вы не бойтесь

Быть странными.

Будьте

В решениях сложностью.

Определив направление,

Станьте из массы

Возможностью,

Превосходящей стремление.

Будьте...

В пути будьте посохом,

Думам вперёд указующим.

В битве неравной —

То порохом,

Силы в едино связующим.

Будьте...

Всегда будьте лучшими:

Светом

Из тьмы восходящими,

СтОящими, существующими.

Будьте

всегда настоящими!

«Как много тех...»

*«Как много тех, с кем можно лечь в постель.
Как мало тех, с кем хочется проснуться...»
/Эдуард Асадов/*

Как много тех,
кто ищет встреч со мной.
Как мало тех,
кто слышит сердца звуки.
Ссылаясь на галантность
в час ночной,
Желают и мои целуют руки.
Как много тех,
кто хочет счастья впрок.
Как мало тех,
кому претит нескромность.
Преследуя судьбу,
дают зарок,
Разменивают гордость
на покорность.
Как много тех,
сегодня кто в пути.
Как мало тех,
вернётся кто обратно.
Кого уже не спрятать,
не спасти

И тех, кому – не вновь,
а вероятно.
Как много тех,
кому нужны слова.
Как мало тех,
кого смущает жалость.
Примерив крылья
и взлетев едва,
Теряют равновесие
и здравость.
Как много тех,
за кем смогу пойти.
Как мало тех,
кто искренностью болен.
Ищу того, кого хочу найти...
А руки целовать мне
каждый волен!

«Тише, тише...»

Тише, тише...

Слышишь?

Топчется по крыше

и стучит отчаянно

дождь в твоё окно.

Он слепой...

Ты слышишь?

Кто – то шепчет свыше

о любви... нечаянно

сгинувшей давно.

Ты впусти – не бойся,

Распахни – откройся.

Снова он взволнованно

просится к тебе.

Плачет... Видишь слёзы?

Это капли прозы —

той, что адресована

песнь в твоей судьбе.

Точки, многоточие,

запятые, прочее...

Это всё (проверено)

жизнь диктует нам.

То, что сердце гложет

он не видит, всё же
смот так умеренно
погребенный хлам.

Тише, тише...

Слышишь?

Кто – то шепчет свше,
топчется по крыше,
просится войти.

Знай, пока ты ходишь,
ищешь и находишь —
за двоих ты дышишь...

Шанс не упusti!

«Берегите, люди, душу, берегите...»

Берегите, люди, душу, берегите,
Сохраните в ней любви рассвет!
Ревностно следите, стерегите,
Не впускайте тень ушедших лет!

Не скупитесь, люди, не скупитесь
На благие чувства, на слова.
В искренности, люди, растворитесь:
Чтоб горел костёр нужны дрова!

Избегайте, люди, гнева, избегайте,
Бумерангом он вернётся к Вам.
Подлостью на зло не отвечайте:
Пейте из души святой бальзам!

Будьте честными с собою, будьте:
Излучайте для других тепло и свет!
Берегите, люди, душу, не забудьте —
За периметром души просвета нет!

«Сегодня снег поссорился с дождём ...»

Сегодня снег поспорился с дождём —
Наверное, не поделили осень.
Мы непогоду эту переждём
Под громкий стон качающихся сосен.

Срывает ветер поцелуй костра
Игриво, и сентябрь разносит листья
По ящикам почтовым, до утра
Пакует в холст поломанные кисти...

Последний штрих наносит на панель,
Покрыв асфальт холодным ржавым цветом.
Роняет в воздух «парфюмер» «Шанель».
Ну вот и всё... Пора прощаться с летом!

Марат Валеев

<https://vk.com/id229084479>

Талант

– А-а, помогите! Тону-у! – послышался отчаянный вопль с реки. И он донесся также и до ушей двух приятелей, хормейстера областной филармонии Семанина Сергея Федоровича и ведущего солиста ансамбля песни и пляски «На зорьке» Чебутько Григория Захаровича. Они этой вечерней порой засиделись на лоне природы, неспешно попивая коньячок и чинно беседуя.

– Вы слышали? – насторожившись, сказал Чебутько. – Кричит вроде кто-то.

– Кричит, – согласился Семанин. – Баритон. Хотя сбивается на тенор.

– А-а, кто-нибу-у-удь! – вновь возопил голос.

– На драматический тенор, – прислушавшись, уточнил Чебутько.

– Мама-а! Погиба-ю-ю! – надрывался утопающий.

– Да нет, вот теперь перешел на бас, – удивился Семанин. – Причем, вибрато, вибрато-то у него какое! С таким грудным регистром я бы поработал.

– Ай-я-я-й, люди добрые! – завизжал тем временем все отдаляющийся голос.

– Поразительно! – покачал головой Семанин. – У этого товарища отличные природные данные! Слышите, Григорий Захарович, как он легко с баса-профундо перешел на дис-

кант? Вот это я понимаю – обертон! Вам этот голос не знаком?

– Нет, не слышал такого, – немного подумав, честно признался Чебутько. – Возможно, какой-нибудь самородок из районной самодеятельности, решил порепетировать на лоне матушки-природы.

– Ну так, пойдем, глянем, кому принадлежит такой чудный голос? – предложил Семанин.

– Ну, насчет чудного... не знаю, я бы поостерегся – ревниво сказал Чебутько. – Перспективный, скорее. Что ж, пойдемте, посмотрим...

Прятели встали с примятой травы, неторопливо прошли по берегу реки в одну сторону, в другую. Но в сгущающихся сумерках на водной глади никого и ничего не было видно и слышно.

Потоптавшись еще с минут пять на кромке берега, Чебутько и Семанин, повернулись друг к другу и беспомощно развели руками.

– Через двадцать минут Николаша за нами приедет, – сказал, посмотрев на часы Семанин. – Что, Григорий Захарович, будем закругляться?

– Да, пожалуй, – кивнул лысеющей головой Чебутько.

Шурша травой, они вернулись к месту своего пикничка.

Чебутько, разлив остатки коньяка по пластмассовым стаканчикам, потянулся своим к Семанину:

– Ваше здоровье, Сергей Федорович!

– Прозит, – церемонно сказал в ответ Семанин.

Они чокнулись и допили коньяк, бросили в рот по дольке лимона и дружно зачмокали, втягивая в себя вяжущий и освежающий сок.

Квакали лягушки на соседнем болоте, ухала выпь. На чернеющем небе появились первые звезды. А прежнего тоскующего голоса больше так и не было слышно.

– Пропал, – вздохнул Семанин.

– Что вы сказали? – вздрогнул заглядевшийся на стреляющей искрами костер Чебутько.

– Талант, говорю, какой в человеке певческий пропал, – с сожалением повторил Семанин.

– Почему пропал? – возразил Чебутько. – Если это настоящий талант, то он обязательно выплывет. Но где же наш Николаша? Уже двадцать минут, как должен быть здесь.

– Запаздывает, – огорченно сказал Семанин. – На него это не похоже. А я обещал жене ровно в десять быть дома. Сейчас волноваться будет.

– Да вон он, едет! – радостно воскликнул Чебутько, увидев быстро приближающийся по прибрежной грунтовой дороге свет автомобильных фар и ровный гул мотора.

– Ну, и где тебя черти носят? – с укоризной сказал своему водителю Николаю Семанин, когда тот, хлопнув дверцей филармонического микроавтобуса, вышел к ожидающим его приятелям.

Волосы у шофера были мокрые.

– Не поверите, – возбужденно сказал своим обычным скрипучим – как железкой по стеклу, – голосом Николаша. – Выехал-то я к вам даже раньше, чем договаривались. Жарко же, дай, думаю, окунуть у бережка. Да ногой в яму попал, оступился, тут меня течение и подхватило. И как понесло-понесло! А я плаваю-то чуть лучше топора. Ну и давай на помощь звать. И ведь никого! А вы что же, не слышали, как я кричал?

Чебутько с Семаниным одновременно с изумлением посмотрели друг на друга. И почти также синхронно отрицательно помотали головами.

– Хорошо, рыбаки меня на лодке нагнали, вытащили, – вздохнул благодарно шофер. – Ну что, поехали?

И, садясь за руль, от избытка чувств запел противным дискантом:

– И за борт ее браса-и-т
В набежавшую волну!..

Александр Белкин

<http://vk.com/id459633437>

Что за зайчик забегал?

В детском садике ловили
Мы сегодня зайчика.
На ладошку посадили —
Он сбежал сквозь пальчики.

Осмотрел в шкафу игрушки,
По обоям пробежал.
У девчонок все веснушки
Он, назло им, подсчитал.

Так его и не поймали —
Заяц ловко убежал.
Мы морковь ему давали,
Только он её не брал.

Всё вверх дном перевернули,
Бегая гурьбой за ним.
Тучки солнце затянули —
Он исчез, как белый дым.

В детский садик, что за зайчик
К детям в гости забегал?
Может ты подскажешь, мальчик?
Ты, скажи, его узнал?

Если с ним вы не знакомы,
Мы откроем вам секрет:
Он бывает в каждом доме,
Это – солнышка привет.

Сегодня буду я врачом

Сегодня буду я врачом,
Бабуля – медсестрой.
Полечим дедушке плечо:
Болит оно порой.

«Больной, – скажу я, – медсестра
Вам сделает укол,
И вы мне скажете с утра:
«Болезнь я поборол!»

Но не могу смолчать, друзья:
По-правде, говоря,
На самом деле врач не я,
А бабушка моя.

Лучше бабушку послушать

I.

Саша бабушке в обед
Говорит всё время: «Нет!»
Покормить ей внука —
Это просто мука.

Прокричит она: «Обед!»
А внучок молчит в ответ.
Бабушка сердито
Говорит открыто:

«На обед к тебе сову
Я сегодня позову.
Совы всех своих совят
Ловко кормят, говорят.

Их упрашивать не надо,
И сова, конечно, рада
Покормить своих птенцов,
Ненасытных молодцов.

Строгая она хозяйка,
А как кормит, угадай-ка?»

II.

«Про сову мне не известно, —
Это очень интересно,
Как же совушка совят
Кормит каждый день подряд?
Расскажи скорей, бабуля», —
Просит Саша-капризуля.

«Слушай, внучек, мой рассказ —
Расскажу всё без прикрас.

Прилетит сова с едой,
Только есть нельзя, постой:
Пищей каждого совёнка,
Ненаглядного потомка,

Головы чуть-чуть коснётся,
К уголкам рта прикоснётся.
После этой процедуры,
Как живительной микстуры,
Малыши, как бы очнувшись,
Словно только что проснувшись,
Всё съедают с аппетитом,
И всю ночь едят досыта»...

III.

Бабушку послушал Саша

И сказал, докушав кашу:
«Ни во сне, ни наяву
Я не стал бы звать сову.

Со своюю процедурой
Говоришь ты, как с микстурой,
Всё лицо измажет прямо.
Что тогда мне скажет мама?

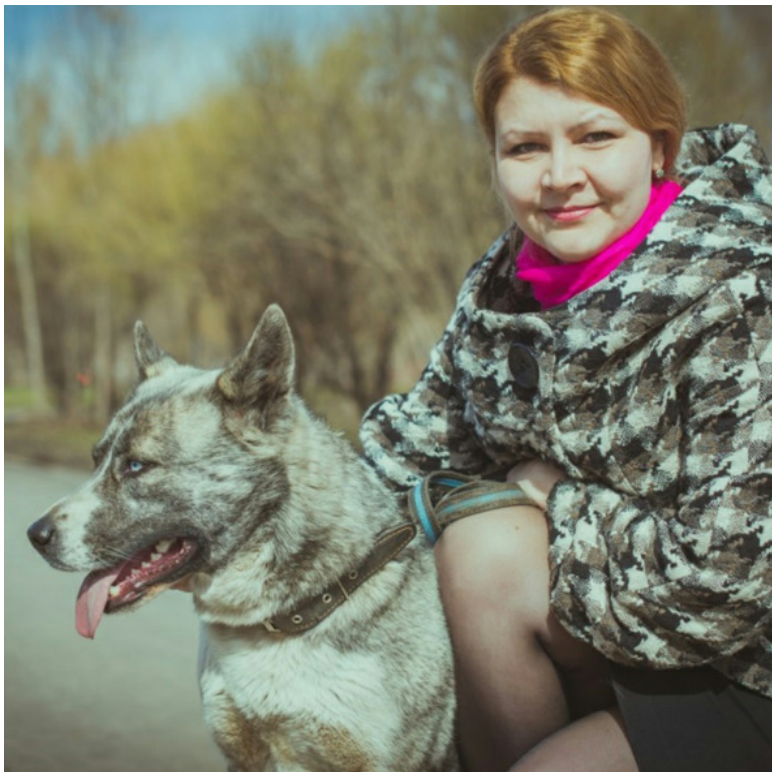
Не зови сову – не надо,
Без неё ты будешь рада
Видеть внука за столом,
За обедом, с полным ртом».

Стал он мальчиком послушным
И к еде – не равнодушным.
Крикнет бабушка: «Обед!»
Слышит «Я иду!» – в ответ.

Лучше бабушку послушать,
Чем потом с совою кушать.

Татьяна Чернышева

<https://vk.com/id93721666>

Первый снег

Ян вышел из подъезда, и в лицо ему ударил холодный воздух. Прямой, неожиданный хук от самой матушки-природы, а ему и ответить нечем.

Ян – не боксёр, и совсем не спортсмен. Он – физически слаб. Потому́ и замер у крыльца, пытаясь справиться с болью и не уйти в нокаут. Пронзённый ледяными иголками нос отказывается пропускать воздух внутрь, в глазах плещутся слёзы.

Вот он – пугающий запах зимы. Она уже здесь, а они с матерью опять не готовы.

Шубу ей так и не купили. Да и у него куртка изнасилась, шапки нет совсем.

Зелёный, связанный бабушкой петушок – не в счёт. Больше он позориться и смешить одноклассников не будет!

Ворвавшаяся в грудь морозная свежесть взорвала лёгкие, заставив Яна согнуться в приступе кашля. Отдышавшись, он грубо, обдирая кожу, стёр рукавом позорную влагу с лица и громко расхохотался! Проходившая мимо дома женщина

испуганно отшатнулась.

Что за наваждение? Какие одноклассники? Ему уж тридцать!

Ян поднял помутневшие от невзгод глаза к небу. Хотелось увидеть синеву или бегущие облака, но над головой висело грязное полотно.

Какая-то острая, мелкая крупа заколола измученное лицо, застучала по небритым щекам.

Не дождь, не град. То ли манна небесная, то ли первый снег...

Для кого-то первый, для Яна – последний.

Вот вам и новая форма осадков! Редко какой человек знает, когда с неба повалит его последний снег. А Ян сегодня узнал.

Всю ночь в душе клубился мрак. Чёрные мысли разрывали голову, словно копируя порывы обезумевшего ветра за окном. Тёркались в виски, высверливали затылок, холодили нутро. Ян глотал таблетки, не считая, но заснул только под утро. А может – потерял сознание, растянувшись на кухон-

ном полу и прижавшись лбом к гудящей стенке холодильника.

Очнулся в полной тишине. В квартире, за окном, в голове – всё смолкло. Пустота.

Он всё решил.

Эта зима уже не может его пугать! Матери нет, и шуба ей больше не нужна. Да и ему шапка вряд ли потребуется. Зачем?

Уже завтра она станет ему ни к чему. Он подумал о своём «завтра» и содрогнулся, представив бумажный венчик на лбу.

Ян медленно двинулся в сторону парка. Противная дрожь в подогнутых страхом коленях не давала прибавить скорости и быстрее со всем покончить, но он упорно толкал непослушные ноги вперёд.

Лужи за ночь покрылись ледяной корочкой, хоть и не успели промёрзнуть до дна. Они возмущённо хрустели под ногами и отстреливались от него мелкими грязными брызгами. Ян шёл напролом – хотелось пошуметь. Напоследок.

Ботинки мгновенно промокли, но это и раньше никого не заботило...

В правой руке, на ослабевших пальцах, как на крючках, болталась толстая верёвка, один конец которой тянулся по асфальту. Ян хотел, чтобы она упала и осталась лежать на дороге, но верёвка, как верная собачонка, плелась следом.

Пусть хоть кто-нибудь остановит, скажет ему: «Парень, не дури! Иди домой, всё наладится!»

Он сразу послушается и вернётся.

Но прохожие молчали, стараясь обойти странного человека как можно дальше. Косились исподтишка, вздыхали.

«Вот идёт человек. Идёт убиваться. Скорее всего, наркоман... Ну и пусть идёт, мне-то что! Своих проблем, что ли, мало?»

Ян нашёл верёвку вчера, в деревянном ящике из-под инструментов. Наверное, ещё мать положила. Раньше она висела на балконе, сушила постиранное бельё.

Кусочек верёвки всегда был лишним, и тихо постукивал

на ветру в окно его комнаты.

Дошкольного детства Ян почти не помнит. Смутно – как ждал отца-дальнобойщика из рейсов, как тот привозил ему подарки, качал на ноге и кружил по комнате, устраивая карусель. Черты его лица безвозвратно потеряны, остался только образ. Чаще всего – спящая на диване фигура, от которой веет усталостью. Ещё Яну почему-то запомнилась газета. Она всегда лежала на полу, выпавшая недочитанной из отцовских рук.

Мать тогда была молодой, красивой и энергичной. По утрам бегала в парке с подружками, носила модный спортивный костюм, читала «Бурду» и мечтала, что муж, в благодарность за рождение сына, подарит ей натуральную шубу.

День, когда нужная сумма была накоплена и родители радостно собирались за покупкой, был тёплым. Ян знает точно – яблони цвели, и влюблённые в солнце воробьи, рассеявшись на проводах, сушили перья на ветерке.

Ну зачем, зачем нужна была шуба весной? Ян не понимал и очень хотел, чтобы все пошли на прогулку в парк.

«Успеем в парк!» – сказала мама.

Обманула.

Весну, лето и осень затянуло в чёрную дыру.

Город в одно мгновение накрыла зима.

Из окна больничной палаты дуло. Ян мёрз, ему хотелось закутаться в одеяло с головой, спрятаться от всех, но сил не было даже на то, чтобы дотянуть его до подбородка. Людей, которые кололи его иглками, он просить не хотел. Они казались ему бездушными.

Потом появилась хромая мать в гипсе и с перекошенным от боли лицом. Коротко прохрипела: «Папу не жди. Папа умер».

И снова ушла.

Не поправила одеяло. Не поцеловала. Не погладила по голове.

Бросила Яна с чужими людьми.

Когда он всё-таки вернулся домой, родная квартира изменилась. Потемнела, затихла. И Ян тоже стал другим.

«Руки, ноги, голова на месте – скажи „спасибо“!» – говорила мать, не уточняя, кому именно говорить это «спасибо». А он возненавидел своё, ставшее медлительным и неповоротливым, тело, постоянную боль в спине, тошноту и головокращения.

Светлым пятном того мрачного времени стал приезд бабушки из деревни. Она пекла пироги и ватрушки, рассказывала Яну сказки и по ночам, когда ему было совсем невмочь, растирала ноги своей шершавой ладонью, шепча молитвы. Её дочь бродила по дому, как привидение, то и дело плакала и бормотала: «Кому я теперь нужна с больным ребёнком? Кому нужна?»

Вместе с бабушкой он несколько раз побывал на могиле отца. Небольшой холм глины и земли, букетик искусственных гвоздик, деревянный крест, серебристая ручка от автомобиля, на котором они поехали за шубой.

«Баб! Давай её домой заберём! Красивая!» – просил Ян, но она не разрешила. Когда они приехали в следующий раз, ручка исчезла.

Они ели конфеты со вкусом горьких слёз, сидя на низенькой лавочке и глядя на фотографию отца. Каждый плакал о своём.

А потом и бабушка умерла. Тоже зимой, не дождавшись тепла.

Ян возненавидел холод.

А весну любил.

Она начиналась с ручейков, бегущих по дорогам, и плывущих по ним корабликов из пенопласта. Он мастерил их сам, и получалось очень ловко.

Когда всё подсыхало, жители домов выходили на субботники. Яркое солнце накрывало чистый от мусора пустырь перед их домом жёлтым пледом из одуванчиков. «Маленькие солнышки расцвели...» – шептал Ян восхищённо, прижавшись носом к стеклу.

Несколько молодых яблонь прямо под окнами потряхивали на ветру пушистыми ветками, осыпая траву белоснежными лепесточками и заставляя прохожих верить в прекрасное будущее.

Верил и Ян.

Веры добавлял Светкин дом, стоящий прямо за пустырём.

Объект самых пристальных наблюдений.

Взглядами из окна Ян провожал Светку сначала в школу, потом в институт и на работу, и плохо спал, если пропускал её возвращение домой.

Справа от пустыря – школа, в которой они учились.

Слева – магазин. Длинная, приветливая пятиэтажка. В первом подъезде – булочная, из которой до дома долетал умопомрачительный запах свежего хлеба. Во втором – молочный отдел. Здесь можно было купить сладкий коктейль и развесное мороженое, но Ян выбирал кефир, потому что мать снова копила деньги на шубу. Светка, весело позвякивая голубым бидоном, бегала туда за молоком и сметаной. Овощной отдел располагался в третьем подъезде и был Яну малоинтересен.

В третьем классе он научился просыпаться пораньше и иногда успевать к середине второго урока.

«Яяянек проснулся! Рябииинин!» – театрально объявляла учительница, когда он, коротко постучав в дверь, заходил в класс. Одноклассники хохотали, Светка грустно улыбалась, а он изо всех сил старался поскорее добраться до своей парты и отвернуться к окну.

Ян с тоской думал о том, как тепло и уютно было бы сейчас лежать в кровати и смотреть телевизор. Пусть и маленький, чёрно-белый.

Любимыми уроками были рисование и физкультура. Рисовал Ян хорошо, учителя это признавали. Правда, совсем не то, что нужно было по заданию.

Когда просили изобразить дом, мальчишка выдавал взъерошенного человечка, лежащего на кровати, когда требовалось нарисовать семью – на альбомном листе появлялись звёзды и луна.

Объяснить свои художества не мог – молчал, уставившись исподлобья на собственные, перепачканные красками руки.

«Что у тебя в башке, мальчик?» – бормотала себе под нос учительница, собирая рисунки.

От физкультуры Ян был освобождён. Навсегда. Но на уроки ходил – сидел на лавке и наблюдал за спортивными достижениями одноклассников.

Больше всего ему нравились занятия на природе – на спортплощадке перед школой или в парке.

Однажды мать принесла ему новые таблетки, и Ян почувствовал, что боль утихла. Он выпался, в ногах и руках появилась сила. Через три дня новой жизни он решился на авантюру – одолжил у соседа Никиты майку и красные шорты, и вышел с одноклассниками на физкультуру.

– Рябинин, ты куда? Ты же освобождён! – удивился молодой физрук, которого ученики ласково звали Колей.

– Мне разрешили! – соврал Ян, старательно размахивая руками на разминке.

Учитель нахмурился, что-то заподозрив, но промолчал.

На улице шёл дождь, и класс остался в зале.

Несколько кругов бега дались Яну нелегко, но он справился, не обращая внимания на бешеный стук сердца.

Перепрыгнуть через козла тоже удалось. Потом пошли на планку. Прыжки в высоту Яна привлекали больше всего. Светка взлетала в воздух легко, как выпущенная из лука Робин Гуда стрела, и брала любую высоту, не касаясь перекладины.

Когда настала очередь Яна, она уже сидела на лавочке и подбадривала: «Давай, Ян! У тебя получится!»

Яну тоже казалось, что получится.

Он побежал, стараясь изо всех сил, но ноги вдруг сами собой переобулись в невидимые кеды из свинца и начали прилипать к полу.

«Ты не на лыжах, Рябинин!» – крикнул Владик, по которому сохла Светка. Раздался смех.

«Рябинин, стоять!» – откуда-то издали послышался истеричный голос Коли, и планка ударила Яна по лицу. Он упал плашмя на маты, уткнувшись носом в истоптанный дермантин, и провалялся так до приезда скорой.

С физкультурой было покончено.

По остальным предметам было между «уд» и «неуд». Мать постоянно вызывали на педсоветы, она ругалась и кричала: «Ни в какую спецшколу мы не пойдём! Мой сын – не глупыш! Он – нормальный!»

Ян страшно боялся, что его выгонят и разлучат со Светкой.

Голова у него соображала хорошо, но быстро уставала и начинала болеть. Просидеть за учебниками больше часа не позволяло здоровье, но глупым он не был. Если, конечно, дело не касалось вопросов сердечных.

Угловой кабинет на четвёртом этаже школы – место особое. Владения классного руководителя Екатерины Борисовны. Там проходили уроки математики, потом алгебры и геометрии, проводились родительские собрания, капустники, огоньки.

Борисовна Яна не любила. Она никого не любила, даже своего сына, который учился вместе с ними, а Яна не любила как-то по-особенному сильно. Он молча терпел издёвки и старался её не замечать. Женщину очень большого веса, высокого роста, с громовым голосом и сиреневыми, выкрашенными «копиркой» волосами.

Новогодний «Огонёк» в четвёртом классе запомнился надолго.

Весёлые и нарядные одноклассники, на сдвинутых вместе партах – крошки от большого медового торта и пустые бутылки из-под лимонада. Еду смели за несколько минут. Время танцев.

Борисовна включает магнитофон, стоящий на столе, и, бросив подозрительный взгляд на учеников, выходит в коридор.

Девчонки выписывают кренделя руками, ногами и попами. Светка танцует косичками. Они взмывают в воздух при каждом повороте головы, точно в такт музыке.

Мальчики двигаются, лениво переступая с ноги на ногу и всем своим видом показывая полное пренебрежение к музыке.

Кто-то царапает мелом на доске: «Белый танец», ещё кто-то – выключает свет.

На тёмном небе висит полная луна. На улице – крепкий мороз. Ян смотрит в окно и думает, как холодно будет бежать домой. У него тонкая, очень тонкая куртка. Она лежит на стуле, возле батареи.

От окна кабинета до окна дома – всего несколько метров, но воздушные лестницы ещё не придумали...

На стекле кружатся огоньки цветомузыки. Ян, как замороженный, долго не может оторвать от них глаз, потом по-

ворачивается к одноклассникам. Мальчишки, засунув руки в карманы, сосредоточенно беседуют, делая вид, что им нет дела до девчонок.

А те нервно озираются, думают, мучаются и никак не могут решиться пригласить кого-нибудь на танец. Так и песня скоро закончится!

Светка смотрит на Владика и, испуганно теребя косичку, делает шаг в его сторону. Все открывают рты.

Конечно, кого ещё ей приглашать? Его – красивого, спортивного, наглого и успешного. Все девочки в классе мечтают о дружбе с Владиком.

Светка делает ещё пару шагов, но Ян преграждает ей путь.

«Потанцуем?» – спрашивает он.

Он – Ян Рябинин, он же – Янек Болвáнек, как любит называть его Борисовна.

Мальчишка в дырявых носках и худых ботинках, в брюках, которые носил-недоносил его друг и сосед Никита.

Он, Янек, пригласил на танец Светку – отличницу и кра-

сётку, влюблённую в спортсмена Владика. Ну разве не глупы́ш?

Светка не отказала. Она слишком хорошо воспитана. Положила руки на его плечи, словно пиджак повесила на вешалку, и оттанцевала весь танец до последнего звука музыки. Её подружка Наташка, злобная девка, тут же подскочила к Владике и потащила его за собой в центр класса. Они двигались музыке невпопад, сверкая взглядами и отдавливая друг другу ноги.

«Две звезды – две светлых повести...» – летело из динамиков, а Ян смотрел на Светку, кусающую губы от досады, и читал её мысли.

«Вот гад!» – думала она и дарила ему вежливую улыбку.

Все остальные стояли у стеночки и посмеивались. Как только звёздная песня стихла, Ян совершил ещё одну глупость. Он слегка поклонился своей партнёрше, вызвав очередной взрыв хохота, схватил куртку и побежал домой. Слишком поспешно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.